

Следует сказать, что выражение: *надежды маленький оркестрик под управлением любви* – факт русского языка [4: 44]. Этот прецедентный текст перестал быть просто авторской метафорой и стал регулярно воспроизводимой единицей, то есть единицей языка. Данное выражение, хотя и несколько измененное переводчиком, тоже вошло в сознание поляков и до сих пор нередко цитируется польскими литературными критиками [5: 104].

Введение Федецьким вопросительных предложений динамизирует текст, делая его несколько риторичным, дидактическим: задающий вопрос знает ответ и потому находится в более сильной, эпистемической позиции, нежели адресат. Для польской риторики в целом тоже характерен дидактический способ передачи смыслов, что и можно заметить сегодня в польской политике, где речь выступающего – говорящего отличается попыткой убедить слушающих в своей правоте и одновременно поучить их, как думать и поступать.

В связи с тем, что рамки данной статьи ограничены, мы представили здесь анализ перевода только одного произведения, однако нами были проведены исследования многих польских переводов текстов Б. Окуджавы, которые позволили нам выявить некоторые тенденции и стратегии польских переводов, выполненных Федецьким. Это: изменения заглавия с целью создания соответствующих ожиданий у польского читателя: устранение из заглавий названия русских реалий, диалогизация текста, проявляющаяся в использовании обращений к адресату в тех местах текста, где у Окуджавы используются безличные предложения или предложения с непрямым субъектом (она), включение второстепенных и побудительных предложений (последние окрашены восклицательной интонацией), что связано, по-видимому, с влиянием определенных риторических практик, и наконец, интенсификация признака ситуации, обозначенной в оригинальном тексте.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Bednarczyk, A.: *Wysocki po polsku. Problematyka przekładu poezji śpiewanej*. Łódź 1995.
2. Barańczak, S.: *Ocalone w tłumaczeniu. Szkice o warsztacie tłumacza poezji z dodatkiem malej antologii przekładów-problemów*. Kraków 2004.
3. Все примеры почерпнуты из книги: *Bułat Okudźawa. Pieśni. Ballady. Wiersze*. Kraków 1996.
4. Новиков, В.И.: *Булат Окуджава*. In: *Авторская песня*. М. 1997.
5. Szymak-Reifferowa, J.: *Bułat Okudźawa wczoraj i dziś*. In: *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*, red. P. Fasta i L. Rożek. Katowice 1994.

MARGARITA MLADENOVA

Bulharsko, Sofia

SÉMANTICKÝ A VYJADŘOVACÍ POTENCIÁL SLOVESA MÍT A JEHO UŽITÍ V PŘEKLADECH VE SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH (RUŠTINĚ, ČEŠTINĚ A BULHARŠTINĚ)

ABSTRACT:

The paper analyzes the usage of the Czech verb *mít* in vol. 1 of J. Hašek's novel *The adventures of the brave soldier Švejk in the World War* and its translations into Bulgarian and Russian. In the text the analyzed verb *mít* participates in two basic semantic groups of predicates – possessive and modal – and also in a big group of phraseological units. It is very interesting that among the Bulgarian translations of the Czech modal predicates similar modal usages of the Bulgarian verb *имам* are attested as well as modal usages of the *да* particle construction which may be considered a proof of a tendency towards its specialization to express a weakened obligation. In the case of phraseological units their translational equivalents may be used as a criterion for the degree of their idiomatization.

РЕЗЮМЕ:

Наш доклад показывает результаты исследования употребления чешского глагола *mít* в первом томе романа Я. Гашека «Приключения бравого солдата Швейка во время мировой войны» и его переводах на болгарский и русский языки. Наши наблюдения показывают, что в анализированном языковом материале глагол *mít* формирует две основные группы предикатов – посессивные и модальные – а также большое количество фразеологических единиц. Интересно, что среди переводов чешских модальных употреблений глагола *mít* на болгарский язык встречаются и предикаты, образованные от болгарского глагола *имам*, а также и модальные употребления *да*-конструкции. Мы можем рассматривать этот факт как доказательство тенденции к специализированному употреблению *да*-конструкции к выражению ослабленной обличительности. Что касается фразеологических сочетаний, мы можем считать их переводы критерием степени их фразеологизированности.

KEY WORDS:

Semantics, modal verbs, possession, phraseology.

Cílem této práce je **ověřit si** fungování sloves s významem 'mít' ve třech slovanských jazycích **na základě výpovědí**, realizovaných ve světoznámém díle české literatury: J. Hašek: *Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války*, sv. 1. a jeho překladech do bulharštiny a ruštiny.

V textech analyzovaného díla se vyskytují všechny případy možného užití slovesa *mít/иметь/у́мам*, které můžeme očekávat na základě slovníkových zpracování [srov. např. Svozilová, Prouzová, Jirsová 2005: s. 135]:

1. První skupinu tvoří funkční okruh vyjadřování **posesivity**, který bezpochyby patří k sémantické struktuře těchto sloves od nejstarších dob. Z hlediska genetického bylo sloveso *mít* v zásadě jádrem vyjadřování posesivity ještě ve staroslověnětině jakožto nejstaršího slovanského spisovného jazyka, a také v historických fázích vývoje všech tří zmíněných jazyků [srov. např. Kvítková 2001: 19], kde je sloveso *jmieti/mieti* co do frekvence na 11. místě s 226 posesivními výskyty v textu Dalimilovy kroniky proti 4 modálním.

1.1. V případě vyjadřování **věcné posesivity** projevují čeština a bulharština zásadní shodu při užití slovesa *mít/у́мам* na rozdíl od ruštiny, kde je užití slovesa *иметь* mnohem omezenější. V ruštině se vyvinul syntakticky odlišný způsob vyjadřování posesivity – pomocí slovesa *быть*, anebo (častěji) jako synonymický prostředek v rámci všeobecně známé ruské tendence k elizi slovesného přísudku – vůbec bez slovesného přísudku [srov. např. Flídrová, Žaža 2005: 14 – 15]. Tato zvláštnost ruštinu sbližuje typologicky (a možná i areálově) s ugrofinskými jazyky [srov. Adamec 1994: 55, Horálek 1953: 167 – 168]. Tak ruské *У меня есть книга.* / *У меня книга.* (1) se výrazně liší od bulharského a českého *Имам книга.* (2) *Mám knihu.* (3) Tím je vymezeno specifické postavení ruštiny mezi slovanskými jazyky v oblasti vyjadřování posesivity dokonce ve srovnání se strukturně nejbližšími východoslovanskými jazyky [srov. Běličová, Uhlířová 1996: 80 – 81]. Tyto případy jsou v analyzovaném díle a jeho překladech bohatě zastoupeny:

Já mám papírnický obchod.

У меня писчебумажный магазин.

Имам книжарски магазин.

Pokud budeme vycházet z členění ekvivalentů, klasického pro teorii překladu, na úplné ekvivalenty, částečné ekvivalenty a parafráze, můžeme shrnout, že sem patří 20 výskytů v Haškově románu, které můžeme považovat za plné sémantické ekvivalenty, i když po stránce struktury si ruština zachovává své specifické postavení. Tento počet vzrůstá o 10 případů, kde je v ruštině nebo v bulharštině docela dobře možná základní posesivní konstrukce, ale překladatel zvolil synonymické řešení: č. *že kdybych měl psa...* r. *что если б у меня была собака...* b. *че ако притежавах куче...* . Zvláštní postavení má specifická situace v restauraci, kdy host žádá o účet a vyjmenovává, co dostal – v češtině a bulharštině se znovu vyskytuje sloveso *mít/у́мам*, ale v ruštině je konstrukce odlišná: č. *Já mám pět pív...* r. – *Я выпил пять кружек пива...* b. – *Имам пет бири...*

Interpretačně problematický je český způsob vyjadřování typu: č. *Pak neměl na útratu.* r. *Потом оказалось, что этому типу нечем расплатиться за пиво...* b. *После същият господин не можа да си плати консумацията.* Specifický význam tohoto typu českých výrazů vzniká přítomností předložky *na*, která řídí substantivum s významem cíle a v roli často eliptického objektu může vystupovat nejen konkrétní předmět (peníze), ale i další vlastnosti, které by umožňovaly nějaký výkon: *Já na to nemám (nervy, nadání).* Někdy se podobný výraz dá přeložit vel-

mi shodným způsobem ve třech jazycích: č. *Na kavárnu má, ale dluhy...* r. *На кафе у него есть, а...* b. *За кафе пари има, но да си плати дълговете...*

1.2. Kvalifikační posesivitu [srov. Начева 1988: 63 – 64] nacházíme ve zkoumaných dílech také, především v podobě neodcizitelné posesivity (6 případů typu č. *Má takové ošklivé jméno.* r. *У него такое отвратительное имя,* ale b. *Името му е едно грозно такова.*), kde se v bulharštině projevuje sklon k užití slovesa *съм* 'být' k vyjadřování tohoto typu posesivity.

1.3. Příbuzenské a mezilidské vztahy vyjadřuje 8 výrazů typu: č. *Já mám dětičky...* r. *У меня детки...* b. – *Аз имам децунца...*, kde je shoda překladů skoro plná, výjimku tvoří pouze úryvek verše č. „*Měl jsem holku namluvenou...*“ r. *Обзавелся я девчонкой...* b. «*Аз приятелка си имах...*», kde potřeba napodobit rytmicky vázanou řeč zřejmě způsobila použití synonymického slovesa. K této skupině patří i ojedinělý případ, kde se v ruském překladu objevuje sloveso *иметь* ve výrazně stylisticky příznakové výpovědi – části kázání: č. *dobrota boží má také své meze,* r. *ибо милосердие божье имеет свои пределы,* b. *тъй като и божията доброта има свои граници.*

Při vyjadřování vzdálenějších mezilidských vztahů nelze vždy sledovat takovou shodu jako u právě popsané skupiny. Ze sedmi případů vyjadřování volnějších vztahů podřízenosti x nadřízenosti jsou 4 shodné ve všech třech jazycích, podobně jako u věčné posesivity: č. *že již Alexandr Macedonský měl svého pučflea.* r. *еще у Александра Македонского был денщик.* b. *че още Александър Македонски е имал свързка.* U ostatních 3 máme značné rozdíly při překladu: č. *a ten měl... posluhovačku.* r. *он нанял себе новую служанку.* b. *той си взе прислужница.* Zde vidíme, že v ruštině a v bulharštině snaha po dynamismu výpovědi vedla překladatelovu volbu k užití synonymického slovesa s významem 'nabýt'. Tyto příklady jsou na přechodu k rozšíření užití slovesa *mít* v češtině, které vede k jeho jisté desémantizaci.

Svéráznou skupinku tvoří další 3 výpovědi, u nichž desémantizace slovesa *mít* je patrná teprve z překladů. Zde ve funkci cizojazyčných ekvivalentů vystupují potenciální ekvivalenty sloves *zít* nebo *vést*: č. *tají s sebou psy,* r. *взял с собой на фронт собаку.* b. *взеха със себе си и кучетата си;* č. *na vojně musí mít vzápětí trest.* r. *Но на военной службе подобная небрежность... влечет за собой взыскание.* b. *във войската влече след себе си наказание.* Sem patří i v Haškově románu dobře prezentovaná skupina onemocnění (16 případů typu: č. *Mám revma.,* která se překládají především základní posesivní konstrukcí: r. *У меня ревматизм.* b. *Имам ревматизъм.*). Zde se také vyskytuje 5 případů, kdy překladatel zvolil jiné řešení s ohledem na širší literární kontext: č. *Měl váš pes psínku?* r. *Была ли у вашей собаки чумка?,* ale b. *Кучето ви да не би да е болно?* Bylo nalezeno celkem 25 případů kvalifikační posesivity.

2. Poměrně nejčetnější skupinu (39 výskytů) tvoří užití slovesa *mít* v českém textu k **vyjadřování obligatornosti**, čili ve funkci modální [srov. o tom Adamec 1974]. Nedostatek této funkce u sloves *иметь* a *имам* v ruštině a bulharštině má za následek, že se výpovědi, které je obsahují, v zásadě překládají za pomoci jiných modálních sloves, anebo celých modálních výrazů: č. „*Do salutování má voják ukládat duši,*“ r. «*Отдавая честь, солдат должен вкладывать всю свою душу*» b. «*В козируването войникът*

трябва да влага душата си». Samostatnou problematiku tvoří negativní výpovědi tohoto typu [srov. Adamec 1974: 150 – 152], ale v našem materiálu se takový případ vyskytl jen jednou: č. „*Такова блба монархия nemá ani na světě bejt*“, r. *что такой идиотской монархии не место на белом свете*. b. – *Такава идиотска монархия не бива и да съществува на земята*. Z celkového počtu je 19 případů, kdy byl predikát od slovesa *mít* přeložen do ruštiny a do bulharštiny predikátem od modálního slovesa, z toho 16 případů s bulharským *трябва*, 2 *мога/може*, 1 – *да*; 11 případů ruského *должен*, 1 – *обязан*, 1 – *подобало бы*, 1 – *полагается*, 1 – v indikativu prezenta s významem všeobecné platnosti a 4 případy můžeme chápat jako částečně frazeologizované, např.: č. *Мěl by požádat o změnu*. r. – *Да, ему бы не мешало похлопотать о перемене имени*. b. *Той трябва да подаде заявление да му го сменят*. Opisem nebo ustáleným slovním spojením jsou překládány do ruštiny a do bulharštiny také české výrazy: *Co jsem si měl počít*; *Voni neměli dát nic na anděly*. Zbývajících 17 českých modálních výskytů *mít* se překládá do ruštiny a do bulharštiny převážně pomocí gramatických prostředků vyjadřujících **oslabenou obligatornost**: č. *Nemám, milostpane, doběhnout pro doktora?* r. – *Не сбегать ли мне, сударь, за доктором?* b. – *Да изтичам ли да извикам лекар, ваша милост?* Celkem 16 podobných případů se překládá do bulharštiny za pomoci tzv. *да*-konstrukce, což můžeme chápat jako jasný důkaz vyjadřovacího potenciálu *да*-konstrukce k explikaci obligatornosti. Jen v jednom případě použil překladatel parafrázi s ohledem na širší kontext. U jednoho případu v bulharštině se projevuje vyjadřovací potenciál bulharského slovesa *имам* v oblasti obligatornosti: č. *že máme platit alimenty...* r. *что нам необходимо платить алименты...* b. *че имаме да плащаме алименти*. V překladu do ruštiny je celkem 9 takových případů, kde spojení *mít* + *inf.* se překládá za pomoci ruského infinitivu (*Перестрелять их всех!*), u zbývajících 8 se znovu objevuje *должен* (2), *велеť* (1), *было бы* (1), *просить* (1) a ještě 3 parafráze s ohledem na širší kontext.

3. Velké množství výskytů slovesa *mít* v českém originále tvoří výrazy různého stupně ustálenosti, jejichž množství je v češtině všeobecně uznávané. Právě zde by materiál, který poskytují překlady, pomohl stanovit kritéria hodnocení jednotlivých výrazů jako **frazémy** (v rámci známých rozdílů mezi bulharskou a českou vědeckou tradicí v oblasti hodnocení frazémů). Jako frazémy náleží bezpochyby hodnotit výrazy jako *mít rád* (18), který se zásadně překládá do ruštiny prostřednictvím slovesa *любить* a do bulharštiny *обичам*. Na rozdíl od výrazu *mít rád*, skupiny, obsahující abstraktní substantivum typu č. *mít na zřeteli* (18 výsk.) projevují do větší míry shodu ve třech jazycích: r. *иметь в виду* b. *да имаме предвид*, kde ale dochází u jednotlivých konkrétních abstrakt k specifickým odchylkám [srov. Gregor, 2006: 11], kterými se zde nebudeme jednotlivě zabývat. Na opačném konci shod a rozdílů jsou frazémy typu. č. ... *s Francií, která má od... spadeno na Německo*, kdy strukturně shodný překlad ve třech jazycích je naprosto vyloučen (53): r. ... *с Францией, которая с... точит зубы на Германию*, b. ... *с Франция, която има зъб на Германия още от...*

4. Můžeme shrnout, že kromě nejpopulárnějších shod a rozdílů mezi třemi jazyky, které známe z gramatických a slovníkových zpracování této látky, je v ohledu kvantitativním užití slovesa *mít* v češtině J. Haška k vyjadřování obligatornosti velmi výrazné. V bulharštině, kde příručky běžně neuvádějí podobný význam, se také vyskytují výpovědi se slovesem *имам*, vyjadřující obligatornost, i když v mnohem menším počtu

a, zdá se, i v oslabenější míře než v češtině. Na prvním místě co do počtu stojí vlastně frazeologizované české výrazy, u nichž bychom mohli chápat překladatelské varianty u cizích jazyků jako kritérium toho, jestli máme určitý frekventovaný výraz interpretovat jako frazém, anebo ne.

LITERATURA:

- Adamec, P.: *Čeština a ruština v konfrontačně-typologickém pohledu*. In: Přednášky z XXXVI. běhu LŠSS. Praha, UK, 1994, 51 – 59.
- Adamec, P.: *Muset nebo mít? (K vyjadřování kategorie obligatornosti v současné češtině na pozadí ruštiny)*. In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha, 1974, 133 – 152.
- Běličová, H., Uhlířová, L.: *Slovanská věta*. Praha, 1996. 277 s.
- Flídrová, H., Žaža, S.: *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Оломоуц, 2005. 163 с.
- Gregor, J.: *Verbonominální spojení mít + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině*. In: Opera slavica XVI, 2006, č. 4, 11 – 26.
- Horálek, K.: *K charakteristice ruštiny*. In: Kniha o překládání. Příspěvky k otázkám překladů z ruštiny. Praha, 1953, 148 – 174.
- Kvitková, N.: *Staročeský text z kvantitativního hlediska*. Praha, 2001.
- Svozilová, N., Prouzová, H., Jirsová, A.: *Slovník slovesných, substantivních a adjektivních vazeb a spojení*. Praha, 2005. 579 s.
- Младенова, М.: *Изразяване на екзистенциално значение в чешкия и в българския език*. Доклад пред Чешко-български колоквиум Прага 2005. Под печат в Пловдивски университет «Паисий Хилендарски». Научни трудове.
- Начева, М.: *Семантично-функционална характеристика на глагола имам 'habere' (върху материал от българския и чешкия език)*. In: «Съпоставително езикознание» XIII, 1988, № 4 – 5.

ЕЛЕНА ПАВЛОВНА ПАНОВА

Россия, Волгоград

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СОБСТВЕННЫХ ИМЕН (АНТРОПОНИМОВ) В ВОЛШЕБНОЙ ПОВЕСТИ М. ТРЕВЕРС «МЕРИ ПОППИНС»

ABSTRACT:

The article is devoted to the problems of translating antroponims from “Mary Poppins” by M. Trevers into Russian language. In Russian variant of translation B. Zahoder uses the homofonical, transliterationan methods and semantical method. The associative experiment that was held among Russian and English students, discovered both similarity and difference of understanding the onomastic fields of proper names. The experiment showed that Russian students are not acquainted with the ethymology of English names, with the historical-cultural aspect. In Russian text the translator managed to pass the denotative aspect of proper names, though the significative meaning in some certain aspect was lost.

KEY WORDS:

Proper names, homofonical, transliterationan, semantical method.

Проблема перевода собственных имен как носителя художественного смысла весьма распространена в современном научном мире и является одной из сложнейших задач. Ономастические приемы являются часто художественными знаками, которые не просто играют стилистическую роль, но участвуют в формировании общих смыслов произведения. Рассмотрим некоторые особенности перевода на русский язык собственных имен в волшебной сказочной повести Маргарет Треверс «Мери Поппинс».

Традиционно Л. Сальман выделяет в технике перевода два метода: 1) метод го-мофонический, поддерживаемый словарной традицией; 2) метод транслитерации (см. об этом: Лаура Сальман, 2006: 399).

В повести «Мери Поппинс» представлена разнообразная палитра имен собственных, соответствующих реальному ономастикону: ALBERT, ALFRED, HERBERT, BERT, JOHN, MICHAEL ROBERT, MARY, ELIZABETH, ELLEN, KATIE, JANE, BARBARA, ANNIE, FANNY и т. д. Сказочные очеловеченные герои в повести, но, тем не менее, принадлежащие не к реальному, внешнему миру, а волшебной-ска-

зочной действительности имеют вымышленные имена: Mr. Wigg, Match-Man, Corry, Persimmon.

Б. Заходер при переводе антропонимов в основном обращается к **гомофоническому способу перевода** имен на русский язык: ALBERT – Альберт, ALFRED – Альфред, JOHN – Джон, MICHAEL – Майкл, ROBERT – Роберт, MARY – Мари, ELIZABETH – Элизабет, ELLEN – Эллин, KATIE – Кэти, JANE – Джейн, BARBARA – Барбара, ANNIE – Анни, FANNY – Фани. Все эти имена используются автором ИТ по отношению к человеческим типам, героям, связанных с реальным миром людей. Возможно, именно поэтому переводчик пользуется словарем, в котором зафиксирована произносительная норма имен с учетом их фонетических и историко-культурологических особенностей (см.: Рыбак 1989: 23 – 113). Так как русский читатель привык именно к такому общепринятому переводу английских собственных имен, это помогает переводчику стремиться к критерию правдоподобности. **Метод транслитерации** используется Б. Заходером при переводе вымышленных имен героев, принадлежащих сказочному волшебному миру (Corry – Корри, Ay – Эй), а также **семантический метод, при переводе** зоонимов и некоторых антропонимов (Admiral Boom – Адмирал Бум, mr. Wigg – Мистер Паррик).

Интересно, что в науке неоднократно предпринималась попытка исследования ономастического поля имени собственного. Так, определение семантического вектора ономастического поля описал В.И. Супрун в книге «Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал». В книге приводились результаты анкетирования среди чешских и русских студентов в области русской ономастики. При помощи методики В.И. Супруна нами был проведен аналогичный ассоциативный эксперимент в англоязычной и русской аудиториях, но внимание студентов в анкете для ассоциативной оценки предлагались антропонимы из повести-сказки «Мери Поппинс». В анкету были включены вопросы, разработанные В.И. Супруном и помогающие определить: социальную характеристику имени, а также вопросы, помогающие выявить сакральный и этимологический аспекты ономастической семантики. Направленное анкетирование было проведено среди студентов Лондонского, Шеффилдского, Ноттингемского и Бермингемского университетов.

С точки зрения социальной характеристики самое популярное /типичное/ модное /известное мужское имя – Michael, John (анг. студ.), Майкл, Джон (рус. студ.); женское имя – Mary, Ellen, Katie, Elizabeth, Annie, Jane (анг. студ.), Мари, Джейн, Элизабет, Кети, Барбара (рус. студ.). Самое непопулярное / нетипичное / немодное / неизвестное мужское имя – Match-Man, Mr. Wigg, Admiral Boom, Ay, Bert (анг. студ.), Эй, Парик, Бэнкс, Адмирал Бум (рус. студ.); женское имя – Lark, Corry, Fannie, Persimmon, Nonnies, Barbara (анг. студ.), Ларк, Кори, Пермисимон (рус. студ.). Заметим, что мнение русских и английских студентов практически совпало, несмотря на разность культур и менталитета. Интересен тот факт, что английские студенты определили имя Поппинс как нетипичное и непопулярное, а имя Барбара как устаревшее. Русские студенты выделяют имена Поппинс и Барбара как популярные, модные, известные, что объяснимо влиянием художественного текста.

Анализ анкетирования выявил, что фантастические имена меньше всего получили характеристик, так как не типичны для английской ономастики. Тот минимум, который был представлен в ответах студентов имеет, в основном, с точки зрения

социальной характеристики негативные оценки (нетипичное/ непопулярное имя), так как имена выдуманы и не функционируют в английском социуме, следовательно, не несут никакой информационной нагрузки. Что же касается невымышленных имен собственных, то заметим, что в повести для детей выбраны имена, которые в английском обществе наиболее распространены и популярны (исключая имя Барбара, чья оценка может быть не совсем объективна в связи с тем, что оно практически исключено из оборота в современном английском языке как устаревшее). Таким образом, автор создает типичный реалистичный образ ребенка (функция идентификации имени собственного), который попадает в волшебный сказочный мир. Благодаря популярности и распространенности имени, создается ощущение близости персонажей мировоззрению обычного реального ребенка, так как каждый маленький читатель, в той или иной степени, может соотнести себя с JOHN, MICHAEL или JANE и пережить вместе с ними все их приключения.

Этико-эстетические положительные характеристики: самое благозвучное имя – Michael, Ratie, Elizabeth, Persimmon (анг.), Майкл, Джон, Бенкс, Мери, Ларк; самое звонкое имя – Michael, Admiral Boom, John, Mary, Jane (анг. студ.); Джон, Эй, Бэнкс, Робертсон, Элизабет, Брилл, Джейн (рус. студ.); хорошее имя – Michael, John, Mary, Elizabeth, Persimmon (анг. студ.), Майкл, Альберт, Бэнкс, Мари, Эллин Ларк, Брилл (рус. студ.); доброе – Alfred, Robertson, Mr. Wigg, Mary, Katie, Annie, Poppins (анг. студ.), Майкл, Джон, Эй, Бэнкс, Мари, Катти, Поппинс (рус. студ.); радостное – Admiral Boom, Albert, Bert, Mary, Jain, Barbara, Poppins, Mr. Wigg (анг. студ.), Майкл, Джон, Эй, Паррик, Барби, Ларк, Корри (рус. студ.); ласковое – Michael, Robertson, Alfred, Mary, Ratie, Barbara (анг. студ.), Майкл, Паррик, Эй, Альберт, Мари, Эллин, Брилл, Ларк, Мари (рус. студ.).

Этико-эстетические негативные характеристики: самое некрасивое имя – Lark, Corry, Fannie, Barbara, Admiral Boom, Match-Man, Ay, Mr. Wigg, Albert (анг. студ.), Фани, Брилл, Брилл, Адмирал Бум, Эй, Робертсон (рус. студ.); смешное имя – Nannies, Persimmon, Fannie, Nanna, Admiral Boom, Mr. Wigg (анг. студ.), Бэнкс, Кори, Джейн, Робертсон, Адмирал Бум, Эй, Паррик (рус. студ.).

Заметим, что при этико-эстетической характеристике студенты в равной степени отметили как вымышленные имена, так и реальные. Однако, характеристики русских и английских студентов значительно отличаются, что связано с фонетической оболочкой собственного имени и различием в восприятии данного звукового ряда английскими и русскими, с культурно-историческими традициями, со знанием английскими студентами этимологии многих имен. Например, имя Mary дает широкие ответы-ассоциации культурно-исторического характера: Mary – королева Англии, Mary – библейское имя, восходящее к библейскому образу Деве Марии. Следовательно, имя главной героини обладает некоторыми этимологическими, а также сакральными оттенками значений, связанных со Священным Писанием: «MARY – Мари, тадиц. Мария, библи. Мариам /ср.-англ. Maria <лат. Maria/. В Библии Мариам – пророчица, сестра Аарона и Моисея, которая, согласно Второй книге Пятикнижия Моисея «Исход», с тимпаном в руке воспела хвалу богу за покровительство израильтянам, благополучно выведенным из Египта Моисеем. Мария – дева из Назарета, обрученная с Иосифом, мать Иисуса Христа» [Рыбак 1989: 139].

Данное имя не получило ни одной негативной характеристики. Возможно, поэтому имя Мери выбрано автором для главной героини (информационно-стилистическая функция), являющейся не только талантливым и мудрым воспитателем, но и волшебницей, связанной со сказочным миром. Архетипические корни имени Мери восходят к христианской мифологии и прочно связано с образом Девы Марии. Не исключено, что именно поэтому положительное восприятие имени Мери хранится в коллективной бессознательном. Таким образом, благодаря библейскому контексту имя Мери наделяется не только положительными, но и мистическими коннотациями в коллективном бессознательном. Мери, подобно Деве Марии, становится неким женским идеалом. Она добродетельна, целомудренна, добра, кротка, в ней много достоинства, помимо хороших качеств воспитателя, она наделена мудрым и любящим сердцем, ей подвластно творить чудеса. Прилетает она к детям вместе с восточным ветром, что, возможно, реально интерпретировать на уровне неких символических смыслов: христианство продвигалось в Европу с Востока. Заметим, что в советском фильме «Мери Поппинс» по-другому расставляются акценты, в характере главной героини заострены таланты воспитателя, хорошей гувернантки. Режиссер размыкает вертикальные смыслы английской волшебной сказки, возможно потому, что советская детская литература требовала воспитать нового советского человека вне всякой религиозной морали.

Этико-эстетическая оценка вымышленных имен в анкетах для английских студентов сведена к минимуму и сводится, как правило, к нескольким характеристикам: смешное/некрасивое/ласковое/радостное (Mr. Wigg). Герой обладает добрым, радостным, ласковым и смешным характером, с его появлением в повесть врываются шутка, смех, веселье, жизнелюбие. Положительное восприятие английскими студентами неизвестных им имен, видимо, вызвано тем, что подобные коннотации в той или иной степени закреплены в фонетическом и морфологическом облике имени, а также – в их этимологии, выдуманной самим автором, то Mr. Wigg переводится как парик. Русские студенты (мистер Паррик – метод транслитерации) проассоциировали имя почти аналогично: ласковое/радостное/доброе/смешное. Б. Заходер удваивает согласную «р», что позволяет несколько ослабить семантическое значение русского слова парик и воспринимать данное слово на русском языке как иностранную фамилию. Данный метод перевода несколько ослабевает разницу в восприятии русскими и английскими студентами этико-эстетического вектора данного имени.

Итак, русским студентам преодолеть экстралингвистический барьер помогают знания, которые они приобретают из СМИ, из английского и американского кино, литературы, а также изучение английского языка в школе. Использование традиционного гомофонного метода перевода, при переводе реального ономастикона, а также методов транслитерации и семантического метода при переводе вымышленных имен помогают Б. Заходеру решить многие проблемы межкультурной коммуникации. Однако, русские студенты не знакомы с этимологией английских имен, с историко-культурным аспектом, незнание данных преинформационных знаков носителей ИЯ приводит к некоторым нарушениям восприятия ЛИ, поэтому наблюдается частичное непонимание содержания высказывания с соответствующей адекватностью эмоционально-эстетического эффекта. Б. Заходеру максимально удалось передать денотативное содержание ЛИ, тогда как сигнификатив-

ное значение, которое обусловлено знанием культурно-исторических традиций, в некотором смысле было утеряно.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Рыбак, А.И.: *Словарь английских личных имен*. Русский язык. Москва 1989.

Супрун, В.И.: *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Перемена. Волгоград 2000.

ОЛЬДРЖИХ РИХТЕРЕК

Чехия, Градец-Кралове

К ЧЕШСКОМУ ПЕРЕВОДУ ПОЭЗИИ МАРИНЫ
ЦВЕТАЕВОЙ

ABSTRACT:

This paper deals with the early works of the Russian poet Marina Tsvetaeva. It concentrates on two issues: demonstrating the continuity of the author's artistic worldview (this means finding connections between the author's early and later works), and evaluating the contribution of the Czech translator Hana Vrbova who succeeded in placing Tsvetaeva's poetry within the context of modern literature in Czech translation.

KEY WORDS:

Marina Tsvetaeva, early works, Czech perception.

1. Проблематикой чешского перевода поэзии выдающейся русской поэтессы Марины Цветаевой (1892 – 1941), отличающейся тесными связями с чешской культурой, я интересуюсь не в первый раз [6]. Она вызывает внимание читателей, литературоведов, критиков и переводчиков, благодаря глубине своего человеческого высказывания, в которой почти шокирующую роль играют взгляды, взаимоотношения и состояние души [3: 325], обнаруженные, по словам оломоуцкого исследователя и поэта Д. Жвачека, нередко при помощи «*поэтики предельности*», близкой почти «*к абсолюту*» [6: 660]. Огорчающий и неадекватно слабый чешский интерес к художественному завещанию поэтессы еще в начале 90-ых гг. прошедшего века (он был вызван, прежде всего, нерешительностью предыдущей политической доктрины) постепенно уходит в прошлое. В течение последних пятнадцати лет появилось уже семь новых томов чешских переводов ее стихов (благодаря таким знаменитым русским переводчикам и мастерам перевода, как Я. Забрана, Я. Штроблова, Г. Врбова, И. Гонзик и др.). Появились также первые монографические работы, анализирующие и подытоживающие чешские взгляды и интерпретации поэзии этой, по моему мнению, «поэтессы-солитера» в русской и мировой литературе [7]. Настоящая краткая статья ставит себе целью, с одной стороны, напомнить и отметить вклад знаменитой чешской переводчицы Ганы Врбовой (1929 – 1995), которая имела заслуги перед первым чешским изданием репрезентативного сборника поэзии Цветаевой [1], с другой стороны, подчеркнуть стилистическую и семантическую

связь между ранним и зрелым творчеством русской писательницы. Именно поэтому я сосредоточился только на избранных примерах переводов ранней поэзии М. Цветаевой (т.е. стихов, появившихся приблизительно до начала 20-ых гг. XX в.). Несмотря на преобладающий в них интимный характер поэтического высказывания, они вызывают собой убеждение о целостности поэтического мира поэтессы и представляют, таким образом, важную составную часть любого аналитического подхода к нему.

Опираясь на выводы известного чешского литературоведа и теоретика З. Матхаусера (к сожалению, недавно ушедшего из жизни), выдвигающего среди отличительных знаков поэтики Цветаевой «*воплощение множества методов*», под-сказывающих удивительную связь не только с художественными креативными приемами всего русского авангарда, но даже – в фиктивном смысле слова – и с некоторыми художественными подходами современного постмодернизма [5: 339], мы можем относительно легко увидеть явно заметную и одновременно продолжительную жизнеспособность человеческого и художественного завещания поэтессы среди современных читателей и реципиентов.

2. Уже в ранних стихах Марины Цветаевой симптоматично вызывает внимание почти вся палитра отличительных знаков ее поэзии, например, предельный лаконизм, семантический простор которого поражающим образом расширяется почти магической символикой. Перед читателем нередко выступает мнимо шуточная шаловливость поэтессы, в которой, как правило, нетрудно определить элементы характера неразлучных спутников души до самого трагического конца ее жизни – трагические предчувствия, предостережения и опасения. И естественным фоном им нередко становится почти лихорадочная погоня за удивительно оригинальными деталями и решающими мгновениями, представляющими собой фиктивно второстепенные, однако, на самом деле, роковые составные части судьбы автора. Сравним, например, отрывки из стихотворения семнадцатилетней Цветаевой «*Молитва*» (от 1909 г.): «*Всего хочу: с душой цыгана/ Идти под песни на разбой,/ За всех страдать под звук органа/ И амазонкой мчаться в бой;/... Люблю и крест и шелк, и каски,/ Моя душа мгновений след.../ Ты дал мне детство — лучшие сказки/ И дай мне смерть — в семнадцать лет!*» [2] В этих словах будто пророчески намечается и «развешанность» и трагизм души поэтессы, вся ее предстоящая несчастная судьба. В приведенных стихах удивительна зрелость высказывания, в которой к реципиенту обращается заметная доля русской идентичности: бесконечность пространства, головокружительная глубина чувств, своеобразная тоска, нередко подчеркиваемая метафорическим восприятием окружающего нас мира.

Именно поэтому я считаю вполне естественным, что переводчице Врбовой пришлось в чешской интерпретации приведенных стихов применить субституционную форму перевода, чтобы, хотя бы частично, однако, все-таки адекватно охватить все намеченное в подлиннике семантическое пространство: „*Chci mnoho: Na zboj nezaváhám/ cikánskou duši s písni hnát,/ za všechny strádat v hřmění varhan,/ jak amazonka bojovat./... Mám ráda přílby, kříž i pentle,/ má duše, to vteřin dech,/ když mi dal dětství jak zpěv světla —/ v sedmnácti mě zemřít nech!*“ [1: 13]

2.1. Симптоматичным подтверждением эволюционной связи раннего и зрелого творчества Цветаевой может быть, например, мотив «разлуки», повто-

ряющийся несколько раз, между прочим, в ее кульминационном произведении «Поэма конца» (от 1924 г.) и привлекающий естественно интерес исследователей: «Я, без звука:/ Любовь – это значит лук/ Натянутый: лук: разлука...» [6: 660] З. Матхаусер считает упомянутый мотив даже существенной составной частью выделяемого им «созвучия значений» [4: 21], представляющего собой один из доминантных знаков художественного стиля поэтессы (в приведенном случае он имел в виду взаимосвязь «разлуки» со словом «лук»). Очевидно, что этот мотив «преследовал» Цветаеву уже гораздо раньше. В качестве примера можем привести отрывки из стихотворения «Я вижу тебя черноокой, – разлука» от 1920 г. Сравним: «Я вижу тебя черноокой, – разлука!/ Высокой, – разлука! – Одинокой, – разлука!/ С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, – разлука!/ Совсем на меня не похожей – разлука!/... И жжешь, и звенишь, и топчешь, и свищешь,/ И реवेशь, и рокочешь – и – разорванным шелком –/ Серым волком, – разлука! –/ Не жалея ни деда,/ ни внука, –/ разлука!/ Филином – птицей – разлука!/ Степной кобылицей, –/ разлука!/ Не потомком ли Разина – широкоплечим, рыжим,/ рыжим/ Я погромщиком тебя увидала, – разлука?/ –Погромщиком, выпускающим кишки и перины?/ Ты нынче зовешься Мариной, – разлука!» [2].

- 2.2.** Перевод подобного семантически амбивалентного и ассоциативно избыточного текста на любой иностранный язык не может обойтись без адекватных субституционных компромиссов, так как простая лингвистическая замена отдельных русских образных конструкций соответствующими лексическими конструкциями в языке перевода просто неосуществима. Видимо, такие возможности учитывала Врбова: „S černýma očima vidím tě, rozluko,/ vysoká rozluko, siroto rozluko,/ s úsměvem blyskavým jako nůž, rozluko,/ tak málo podobná mně, sestro rozluko./... Pálí a dupá a zvoní a řinčí,/ praská jak hedvábí, sviští a řičí,/ v převleku za vlka na dědu, na vnuka vrhá se rozluko./ Huká jak noční výr, pádí jak kobyla na luka rozluko./ Široká ramena, ryšavé vlasy má potomek Razina,/ nájezdník rozluko./ Já ji znám. Zabiják popadne do ruky,/ střeva se vyvalí, peřina popuká.../ Já ji znám. Marina je jméno rozluky.“ [1: 54] Очевидно, что субституционные приемы в переводе вызваны не только компромиссами из-за ритма и рифмы, но тоже из-за более адекватной эмпатии и полноценной рецепции при коммуникации переводного текста с читателем. Сравним, например: «одинокой, – разлука» – «siroto rozluko», или очень удачное метафорическое сравнение «в дом забредешь желтоглазой цыганкой» – „cikánka, pohled jak z jantaru“, полностью соответствующее поэтическим подходам Цветаевой. Благодаря намеченной переводческой стратегии Врбовой удалось сохранить в чешском метатексте стихотворения симптоматическое звукоподражание, особенный внутренний ритм отдельных стихов, представляющий собой какой-то своеобразный пандан внутреннего, амбивалентного подтекстового напряжения, известного нам из кульминационных поэм Цветаевой. Сравним: «без стука, – разлука! – Как вихрь заразный/ к нам в жилы врываешься – лихорадкой, – разлука!» – „rozluka neřuká, jak víchr nákazy/ v žilách krev přimrazí horečka rozluka“. Или: «И реवेशь, и рокочешь – и – разорванным шелком – / – Серым вол-

ком, – разлука! – Не жалея ни деда, /ни внука, –/ разлука! Филином – птуцей/ разлука! Степной кобылицей, –/ разлука!»... .. „praská jak hedvábí, sviští a řičí,/ v převleku za vlka, na dědu, na vnuka vrhá se rozluka./ Huká jak poční výr, pádí jak kobyla na luka rozluka“. Аналогично можем сравнивать кульминационную строфу с основной идеей «*Марины*», являющейся в данном стихотворении синонимом «разлуки». Избранный переводчицей Врбовой интерпретационный подход способствовал, на мой взгляд, адекватному сохранению преемственности во всем творчестве Цветаевой, преемственности, континуума ее художественного мировоззрения болезненно несчастного человека с болезненно замученной судьбой этой поэтессы «*par excellence*» и трагическим характером эпохи.

3. Только опытному переводчику удается соблюдать «чувство меры» субституционной креативности, сохраняющей в условиях принимающей инокультурной рецепции хрустально чистый и семантически чрезмерно насыщенный мир поэзии Цветаевой. Сравним еще несколько отрывков из трех стихотворений, посвященных поэтессой еще в феврале 1916 г. близкому ей поэту О. Мандельштаму. Г. Врбова (необходимо подчеркнуть, что она была не только выдающимся переводчиком, но одновременно тоже поэтом!) тщательно стремится сохранить общее настроение переводимых стихотворений и, одновременно, легкость и естественность последних. «*Никто ничего не отнял!/ Мне сладостно, что мы врозь.*» [2] „*Nás dva nikdo neokrádá,/ že jsme sami, není trest.*“ [1: 35] Или: «*Ты запрокидываешь голову/ Затем, что ты гордец и враль./ Какого спутника веселого/ Привел мне нынешний февраль!*» [2] „*Nosíš teď hlavu stále výš,/ jsi výřečný, pušný, drsný...*“ [1: 36] Или: «*Ты солнце стерпел, не щурясь, – / Юный ли взгляд мой тяжел?*» „*Když slunce vás neoslepí,/ proč z těch očí máte strach?*“ Nebo: «*Нежней и бесповоротной/ Никто не глядел Вам вслед...*» „*Za vámi tak něžně, plaše/ nikdy nikdo nepohléd.*“

3.1. Определенные семантические и стилистические сдвиги, вызываемые намеченной стратегией переводческой интерпретации, естественно, появляются. Как правило, в них отражается вынужденная лексическая конкретизация, возникающая на фоне взаимного межкультурного диалога русской и чешской языковых систем и различных культурных традиций и опытов обоих этнических обществ.

3.2. Однако сдвиги типа «*мой невоспитанный стих*» – „*pár těch veršů nezdárných*“ или многословная субституция лаконического обращения «*лети, молодой орел!*» чешской извилистой конструкцией „*váš let velkolepý/ v strmých orlích výšinách*“ или, например, интерпретация кульминационного акцента поэтессы в диалоге, посвященном Мандельштаму, «*Откуда такая нежность,/ И что с нею делать, отрок/ Лукавый, певец захо- жий, С ресницами — нет длинней?*» [2] – „*Kde se vzalo tolik něhy?/ Co si počneme s tím darem,/ písničkáři, pokusení/ s péry cizokrajných řas?*“ [1: 37] (сравниваемые выражения отмечены жирным шрифтом мною – О.Р.) в чешском переводном варианте считаются мною нерелевантными. Несмотря на то, что они частично меняют меру, интенсивность чувств и настроения женской души, основная семантическая и стилистическая суть по-

этики и художественной информации Цветаевой в них адекватно сохраняются, и поэзия последней – эта «*священная держава духа*» [5: 339] – способна, таким образом, почти эквивалентно обращаться к чешскому читателю.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Cvětajevová, M.: *Lichý střevíc*. Melantrich, Praha 1996.
2. Примеры ранней поэзии М. Цветаевой избраны из текстов интернетного сайта <http://crea.ru/cvetaeva/main.html>.
3. Honzík, J.: *Dvě století ruské literatury*. Torst, Praha 2000.
4. Mathauser, Z.: *Metodologické meditace aneb Tajemství symbolu*. Blok, Brno 1988.
5. Mathauser, Z.: *Marina Cvetajevová a vznešenost poezie*. В кн.: **Cvetajevová, M.: Lichý střevíc**. Melantrich, Praha 1996, с. 333 – 343.
6. Рихтерек, О.: *К проблематике чешского перевода метафоры в поэзии Марины Цветаевой*. В сб.: *Русское слово в мировой культуре. Русский текст и русский дискурс сегодня*. X конгресс МА-ПРЯЛ, СПб., 2003, с. 658 – 663.
7. Uličná, O.: *Pražské poémy Mariny Cvetajevové (a jejich překlady do češtiny)*. Karolinum, Praha 1991.

ЯДВИГА ТАРСА

Польша, Ополе

«ПЛОСКИЙ МИР» ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА – ГЛОБАЛЬНАЯ ДЕРЕВНЯ СКАЗОК, МИФОВ, ЦИТАТ И АЛЛЮЗИЙ

ABSTRACT:

The World of the Disc a cycle by an English fantasy writer Terry Pratchett contains numerous quotations and allusions. The reader must know the Bible, mythology, fairy tales, various nations' beliefs, works of the world literature, film quotations and important political events. Pratchett's novels are also popular in Russia, because, as he says, he uses "«white knowledge», the sort of stuff that fills up your brain without you really knowing where it came from". It turns out that the "white knowledge" is very wide and at the same time, in spite of its richness is very familiar for the representatives of various nations. It can be claimed that the Disc is a global village for those who possess the "white knowledge".

KEY WORDS:

Quotation, allusion, text reminiscence, fairy tale, myth, language game.

По словам Ролана Барта: «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Черняева]. Хорошим примером текстов, сотканых из цитат, аллюзий и реминисценций является *Плоский мир* Терри Пратчетта.

Терри Пратчетт – это английский писатель, пишущий в жанре фэнтези. Его произведения были переведены на многие языки, а суммарный их тираж составляет около 50 миллионов экземпляров. «Цикл *Плоский мир* (к настоящему времени насчитывающий уже 40 романов, 4 рассказа, 3 справочника и одну поваренную книгу) – это талантливая сатира, начинавшаяся как пародия фэнтези и превратившаяся в совершенно независимое от жанра произведение. Тут можно найти шутки на практически любую тему от истории пирамид Египта до голливуда и классической философии. Яркие, запоминающиеся (с хорошо узнаваемыми прототипами) герои и талант автора обеспечили серии популярность» [<http://ru.wikipedia.org/wiki>].

Действие всех романов происходит на диске Плоского мира, который находится на спинах четырех слонов, стоящих на плывущем в космосе Великом А'Туине, черепахе. На Диске дружно живут люди, гномы, эльфы, тролли, зомби, вампиры, оборотни и все они борются за свои права и равенство при приеме на работу, у радуги восемь цветов, всюду царствует магия, смерть является мужчиной, а боги, вопреки словам Эйнштейна, играют в кости. Автор цикла наполнил этот мир героями мифов и произведений мировой литературы. На страницах каждого из романов читатель заметит текстовые реминисценции, т.е. по словам А.Е. Супруна, *«точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), «крылатые слова», отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуации»* [Супрун 1995: 17]. Причем Пратчетт старается подобрать такие цитаты и ассоциации, которые будут знакомы если не всем, то большинству читателей. *«Когда я использую в книге ассоциацию, я стараюсь взять такую, которая может быть легко схвачена обычным хорошо начитанным (насмотренным, наслушанным) человеком. Я называю это «белым знанием». Это то, что наполняет ваш мозг, а вы даже не знаете точно, откуда оно пришло»* [Канчур 2005: 15]. Текстовые реализации этих ассоциаций можно разделить на три группы.

Во-первых, это имена собственные. Они преобразованы так, чтобы их мог легко расшифровать читатель. В романах появляются, напр.: величайший воин Диска Коэн-Варвар, гном Казанунда (как гласит его визитка: второй в мире величайший любовник), очень богатый сериф Аль-Хали Креозот, в городе Анк-Морпорк находится Гад-Парк. Иногда эти имена не называются, но благодаря аллюзиям читатель их вспоминает, напр.: когда герои книги *Безумная звезда* попадают в пряничный домик и несколько стесняются его есть, гном их успокаивает: *«Старую ведьму не видели здесь уже много лет. Говорят, ее окончательно доконала парочка каких-то юных сорванцов»* (*Безумная звезда*). Хотя имена не появляются в тексте, читатель сразу вспоминает героев сказки братьев Гримм *Гензель и Гретель*. Или: *«– Слушай, – выпалил Ринсвинд, рассыпая изо рта крошки пирожного, – говорят, ну, ходят слухи, что все, к чему ты прикасаешься, превращается в золото»* (*Посох и шляпа*). Прочитав эти слова сразу вспоминаем мифологического царя Мидаса.

Во-вторых, Пратчетт использует точные или трансформированные цитаты:

- *«В начале было слово, – сообщил сухой голос прямо у него за спиной»* (*Безумная звезда*) – точная цитата из Библии;
- *«Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры. [...] Иногда они приходят, иногда уходят»* (*Вещие сестрички*) – цитата из драмы Как вам это понравится Шекспира;
- *«На тебя смотрят, малышка, – произнес он»* (*Стража! Стража!*) – цитата из фильма Касабланка;
- *«Можно сказать, «когито эргот шляппо». Лузган изучал древние языки и теперь постарался показать себя с наилучшей стороны. – «Я мыслю, сле-*

довательно, я шляпа»? – догадался он» (*Посох и шляпа*) – модифицированные слова Рене Декарта;

- «Твои волосы, – изрек сериф и медленно качнулся вперед, – подобны... подобны стаду коз, что пасутся на склонах Гебры. [...] – Твои груди подобны... подобны, – сериф отклонился вбок и бросил короткий, горестный взгляд на опустевшую бутылку, – подобны покрытым самоцветами дыням в прославленных садах рассвета» (*Посох и шляпа*) – преобразованная цитата из *Песни песней Соломона*.

В-третьих, и это чаще всего употребляемый Пратчеттом прием – аллюзии. Источники аллюзий очень разнообразные. Пратчетт отсылает читателя к фильму: «Вот, к примеру, не далее как прошлой ночью я видел во сне какого-то кривоногого человечка в черной шляпе. Он очень смешно ковылял по дороге – переставлял ноги так, будто в башмаках у него целое море воды. (...) Еще у него была тросточка, которой он крайне забавно помахивал» (*Вещие сестрички*); произведениям фэнтези: «– Расскажите, – сказала тварь. – Умммня дддднь рожжжженья» (*Ведьмы за границей*) – это подражание способу высказывания Горлума и отсылка к Толкину; детской литературе: «Ухмылка Грибо постепенно исчезала, пока не испарилась вовсе и не остался один лишь кот. Это было почти так же жутко, как если бы кот исчез, а ухмылка осталась» (*Вещие сестрички*) – отсылка к Чеширскому Коту из книги Алиса в Стране Чудес. Он исчезал постепенно, пока в воздухе не оставалась висеть одна улыбка. В Плоском мире можно тоже найти отсылки к творчеству Шекспира: «– Деревья обсуждают меня, – пробормотал герцог Флем. – Когда я еду по лесу, то слышу, как они перешептываются. Сеют обо мне грязную ложь!» (*Вещие сестрички*) – намек на *Макбета*; «Маграт собирала цветочки и о чем-то с ними разговаривала» (*Вещие сестрички*) – намек на сошедшую с ума Офелию, героиню *Гамлета*; мифологии: «Некоторые полагают, что светило катит перед собой огромный навозный жук» (*Пирамиды*) – так верили древние египтяне; «Молва утверждала, что один из богов, преследуя объект своей страсти, даже превратился в золотой дождь» (*Пирамиды*) – отсылка к греческому мифу о Зевсе и Данае; в заглавии книги «Абоквалипис, лигенда о Лидяных Великанах и Тайная Чаевня Багов» (*Посох и шляпа*) – появляются отсылки к Библии и инеистым великанам из германо-скандинавской мифологии; к архитектурным памятникам: «Ринсвинд считал себя знатоком храмовой архитектуры, но местные фрески на огромных и действительно внушительных стенах совершенно не походили на религиозные. Во-первых, участники изображённых сцен получали удовольствие. Они почти наверняка получали удовольствие. Да, точно. Было бы удивительно, если бы они не получали удовольствия. – Они ведь не танцуют? – спросил Ринсвинд в отчаянной попытке не поверить собственным глазам. – Или, может, это какая-то акробатика?» (*Посох и шляпа*) – это отсылка к фризу фасада одного из храмов в индийском городе Каджурахо, украшенному сценами из *Камасутры*.

Это только несколько примеров. Во всем цикле реминисценций на много больше. Автор использует цитаты и мотивы из *Божественной комедии*, *Илиады*, *Унесенных ветром*, *Отверженных*, *Удивительного волшебника страны Оз*, *Криминального чтива*, *Грязного Гарри*, немного кино, уотергейтского дела, оперной музыки, творчества Элвиса Пресли и Бадди Холли и т.д. Пратчетт использует «белое

знание», т.е. то, что хранится в памяти большинства людей. Можно сказать, что это базовое ядро знаний, которое свидетельствует о принадлежности к определенной культуре (в этом случае – к мировой культуре). Оказывается, что «белое знание» с одной стороны, является очень широким, а с другой стороны – близким представителям разнообразных национально-лингво-культурных сообществ. Книги Пратчетта, кроме европейских языков, были переведены на иврит, турецкий, корейский и тайский языки. Некоторые считают, что глобальная деревня становится возможной благодаря распространению универсальных культурных образцов. Книги Пратчетта показывают, что так действительно может быть – начитанный человек в глобальной деревне *Плоского мира* чувствует себя как дома. Английский писатель ставит читателя в центре перекрестка культур и играет с ним цитатами, аллюзиями, реминисценциями. И только от знаний читателя зависит результат этой игры. А роль переводчика сводится к такому переводу точных и модифицированных цитат, чтобы читатель смог их заметить в тексте, расшифровать и легко вспомнить их источник.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Канчура, Е.О.: Особенности отображения влияния «Властелина колец» Дж. Толкина на мировоззрение на примере творчества Терри Пратчетта. In: Палантир 2005, N 46, с. 13 – 19.
- Пратчетт, Т.: *Безумная звезда*. Москва 1997.
- Пратчетт, Т.: *Ведьмы за границей*. In: <http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm>
- Пратчетт, Т.: *Вещие сестрички*. In: <http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm>
- Пратчетт, Т.: *Пирамиды*. In: <http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm>
- Пратчетт, Т.: *Посох и шляпа*. In: <http://lavka.lib.ru/lavka/terry.htm>
- Супрун, А.Е.: *Текстовые реминисценции как языковое явление*. In: Вопросы языкознания 1995, № 6.
- Черняева, А.С.: *Интертекстуальность и аллюзия: проблемы соотношения*. In: www.lib.sibstu.kts.ru/paradigma/1/12.htm

ИВАНА ЧЕНЬКОВА

Чехия, Прага

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ГЛАЗАМИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

ABSTRACT:

The paper deals with conference interpreting in European institutions and the problems of interpreters working in this multilingual and multicultural context also with third countries, e.g. Russian Federation.

KEY WORDS:

Conference interpreting in EU institutions, retour, relay, Europeak, multilingualism, multiculturalism, cooperation with Russia.

Европейский Союз говорит сегодня на 23 языках, учитывая при этом 27 разных культур своих стран-членов. Однако ЕС сотрудничает и с третьими странами, общается в том числе и с Российской Федерацией.

2007 год был объявлен в России и в мире годом русского языка. Оломоуцкие дни русистов таким образом присоединяются к многочисленным мероприятиям, которые проводятся в рамках Года русского языка по всей планете. Русский язык является четвертым самым распространенным языком в мире.

Семнадцать лет тому назад, летом 1990 года, никто еще не знал, как будет развиваться сотрудничество России и других пост-советских стран с Евросоюзом и какими будут их взаимоотношения. Нужно отметить, что в СССР долгое время резко негативно относились к европейской интеграции, рассматривая ЕС как платформу военно-политической борьбы между Западом и Востоком. Официальные отношения между СССР и Европейскими сообществами были установлены лишь в 1988 г. Взаимное признание открыло путь для подписания 18 декабря 1989 г. Соглашения о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве между ЕЭС, ЕОУС и Евратомом, с одной стороны, и СССР – с другой, правопреемником которого стала Российская Федерация. В конце декабря 1991 г. Европейские Сообщества заявили о признании России и других новых независимых государств, возникших после распада СССР. В мае 1992 г. в Москве состоялась первая встреча Россия – ЕС на высшем уровне. Ее главным результатом явилась договоренность о подготовке нового

соглашения. Таким документом стало Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС), подписанное на острове Корфу 24 июня 1994 г. на срок 10 лет с последующим автоматическим продлением. СПС охватывает 4 важнейшие сферы взаимоотношений – политику, экономику, социальную сферу и культуру. Принцип равноправного партнерства, заложенный в Соглашении, предопределил создание *системы институтов*, призванных контролировать процесс осуществления СПС, разрабатывать новые рекомендации, улаживать споры и конфликты, обмениваться взглядами по широкому кругу вопросов. Этот институциональный механизм включает в себя саммиты Россия – ЕС, которые проводятся дважды в год на высшем уровне: от России – президент Российской Федерации, от Европейского Союза – председатель Совета Европейского Союза и председатель Комиссии (по формуле «1+2»). Были предусмотрены и созданы совместные органы: *Совет сотрудничества*, *Комитет сотрудничества* и *Комитет парламентского сотрудничества*. В рамках этих органов переводчики переводят с русского языка, однако только в Европейском парламенте при переговорах с российской делегацией синхронный перевод обеспечивается на всех официальных языках ЕС. При других встречах с Россией рабочими языками являются (за исключением саммита ЕС, если на него приглашены ведущие представители РФ) почти всегда только русский, английский и французский языки.

Римский учредительный договор ЕС (1953 г.) гарантирует всем своим гражданам право при общении с органами ЕС выступать на родном языке и пользоваться переводом на свой родной язык. Этот принцип многоязычности и языковой диверсификации является основополагающим фундаментом всего существования Европейского Союза. Для того чтобы это право граждан могло осуществляться и на практике, Европейскому Союзу нужны переводчики, как устные, так и письменные.

Переводческая практика в институтах и органах ЕС, так же как и в других международных организациях и структурах, такова, что переводчики переводят с нескольких своих пассивных иностранных языков на свой родной язык. В состав каждой кабины переводчики (их всегда трое) подбираются так, чтобы они понимали все рабочие языки заседания и могли переводить выступления всех ораторов только на свой родной язык.

Когда членом ЕС в 1995 году стала Финляндия, оказалось, что финские переводчики владеют только ограниченным количеством иностранных языков и на своем отечественном рынке привыкли переводить не только на родной язык, но и на свой активный иностранный язык (главным образом английский, немецкий или французский языки). А среди «европейских» переводчиков, наоборот, было очень мало таких, которые бы понимали финский и могли переводить с него на свой родной язык.

Итак, пришлось менять опробованную европейскую систему синхронного перевода. Финны начали переводить финских ораторов на свои активные иностранные языки, стали пилотами для остальных «старых» кабин. И наоборот, «старые» кабины, прежде всего английская, немецкая и французская, стали ведущими для финских переводчиков.

В настоящей статье не буду заниматься большим и неоднозначным вопросом качества устного перевода на родной язык и на активный иностранный язык. Скажу только, что каждая концепция имеет своих сторонников и противников.

Пилот должен быть ясным, однозначным, соблюдать и передавать смысл выступления оратора, заканчивать предложения, правильно использовать интонацию, четко выговаривать имена, названия, цифры и не стремиться к слишком высокой идиоматичности. Будучи пилотом, переводчик испытывает большую ответственность, давление и огромный стресс, так как он должен сделать максимум для обеспечения высококачественного многоязычного и мультикультурного общения в залах заседаний для всех 27 стран-членов.

Именно так сегодня чувствуют себя в органах ЕС и чешские устные переводчики. Переводчики из «новых» стран-членов тоже переводят не только на свой родной язык, но и на иностранный язык, становясь часто ведущей кабиной для остальных.

По мере того как культуры европейских стран интегрируются в единую общеевропейскую культуру, становится все более необходимым по-новому осознавать технические и культурные достижения Европы в целом. Сейчас уже совершенно недостаточно знать культурную, политическую и экономическую ситуацию какой-либо одной страны. Одним из понятий, выражающих настоящие цивилизационно-культурные процессы, является понятие *мультикультуральность*, которое мы понимаем как сосуществование нескольких культур в рамках одного общества [Gromová, Müglová 2005: 70 – 71]. Мультикультуральность – это поиски и нахождение шансов на достижение толерантности, терпимости, понимания, восприятия других культур, улаживание и предотвращение межкультурных конфликтов, стремление к их урегулированию. Следующим понятием, которое отражает в себе настоящие цивилизационно-культурные процессы, является *транскультуральность*. Данное явление возникает в связи с миграционными процессами, с развитием современных коммуникационных и информационных систем и технологий, взаимопереплетенных и взаимоувязанных экономических отношений [Gromová, Müglová *ibid*: 74].

Нам кажется, что именно *транскультуральность* свойственна Европейскому Союзу и его органам, где в ходе заседаний переводчики должны учитывать этот аспект, не только при переводе на языки ЕС, но и при переговорах с третьими странами, в том числе с Россией. Многие европейские реалии и понятия *транспонируются* почти во все языки, включая и русский.

Приведем самые яркие примеры транскультуральности в переводе.

Примеры европейских сокращений в русских документах, текстах и выступлениях:

- 1) сокращение используется в русской азбучной транскрипции:
 ERASMUS / ЭРАЗМУС – European Community Action Scheme for the Mobility of University Students
 TEMPUS / ТЕМПУС – Trans-European Mobility Scheme for University Studies
- 2) сокращение в русском тексте используется в латинице:
 SAPARD – Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development / Европейская программа помощи мелкому и среднему сельскому предпринимательству
 JASPERS – Joint Assistance in Supporting Projects in European Regions

JEREMIE – Joint European Resources for Micro and Medium Enterprises

JESSICA – Joint European Support for Sustainable Investment in City Area

Такие аббревиатуры не переводятся, все их используют в данной форме и иногда даже не подозревают, как они возникли и как образованы.

- 3) Примеры так называемых международных и «европейских» сокращений, у которых переводчик должен знать несколько языковых версий, потому что отдельные ораторы, в зависимости от того, откуда они происходят, используют или английский вариант, или французский вариант аббревиатуры, а ваш клиент при переводе хочет услышать ему известный и им употребляемый вариант.

ARYM / FYROM (Ancienne République Yougoslave de Macédoine / Former Yugoslav Republic of Macedonia) – Bývalá republika Jugoslávie Makedonie – Бывшая югославская республика Македония

CAGRE / GAERC (Conseil affaires générales et relations extérieures / General Affairs and External Relations Council) – Rada pro všeobecné záležitosti a vnější vztahy – Совет по общим вопросам и внешним связям

CEF / EFC (Comité économique et financier / Economic and Financial Committee – Hospodářský a finanční výbor – Экономический и финансовый комитет

TSA / EBA (Tout sauf armes / Everything but Arms) – vše kromě zbraní – все кроме оружия

GOPE / BEPGs (Grandes orientations de politique économique / Broad Economic Policy Guidelines and Employment) – hlavní směry hospodářské politiky – основные направления экономической политики

TIC / ICT (Technologies de l'information et de la communication / Information and Communications Technology) – informační a komunikační technologie – информационно-коммуникационные технологии (ИКТ)

MDGs (Millennium Development Goals) – rozvojové cíle milénia // tisíciletí – цели в области развития на пороге тысячелетия

PME / SME (Petites et moyennes entreprises / Small and Medium Enterprise) – malé a střední podniky (MSP) – малое и среднее предпринимательство (МСП)

- 4) Примеры «европейских» сокращений, у которых всеми участниками заседаний ЕС используется только одна языковая версия, главным образом английская или французская. В документах РФ также оставляют оригинальную версию и приводят русскую «расшифровку»:

SCIFA (Strategic Committee on Immigration, Frontiers and Asylum) – Strategický výbor pro imigraci, hranice a azyl – Стратегический комитет по вопросам иммиграции, границ и предоставления убежища

COREPER (Comité des représentants permanents) – Výbor stálých zástupců – Комитет постоянных представителей при Европейском Союзе – (КОРЕПЕР)

CATS (Comité Article 36) – Výbor podle článku 36 – Комитет по статье 36

CSA (Comité spécial agriculture) – Zvláštní výbor pro zemědělství – Специальный комитет по сельскому хозяйству

NUTS (La Nomenclature des unités territoriales statistiques) – tzv. územně statistické jednotky neboli regiony soudržnosti – территориальные статистические единицы

OPOCE – Office des publications officielles de la CE – Úřad pro úřední tisky ES
– Бюро публикаций ЕС

- 5) Примеры понятий, где российская делегация также предпочитает работать с английским / французским термином, транскрибированным кириллицей, который используется без перевода также почти во всех остальных языках ЕС.

Health check /хелс-чек

Benchmarking / бенчмаркинг

Ranking / ренкинг

Mainstreaming /мейнстриминг

Acquis communautaire /Аки Коммюотэ

Peer Review /пир-ривью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Алексеева, И.С.: *Профессиональный тренинг переводчика*. Союз, Санкт-Петербург, 2005.

Мухаева, Н.Р.: *Право Европейского Союза*. ЮНИТИ, Москва, 2006.

Семенов, А.Л.: *Основные положения общей теории перевода*. Издательство Российского университета дружбы народов, Москва, 2005.

Чужакин, А.: *Мир перевода – 7. Прикладная теория устного перевода и переводческой скорописи*. Р. Валент, Москва, 2003.

Čeňková, I.: *Tlumočení do cizího jazyka aneb tzv. «retour»*. In: Plutko, Pavol (ed.). *Preklad a tlmočenie*. Filologická fakulta Univerzity Mateja Bela, Banská Bystrica, 1999, s. 237 – 242.

Čeňková, I.: *Синхронный перевод в учреждениях Европейского Союза и на чешском рынке*. In: *Kultur, Interpretation, Translation. Ausgewählte Beiträge aus 15 Jahren Forschungsseminar*. H. Salevsky (ed.). Sonderdruck, Peter Lang, 2005, s. 105 – 112.

Čeňková, I.: *Eurožargon z pohledu českého tlumočnicka v Bruselu*. In: *Translatologica Ostraviensia II, Den s překladem*. 2007, OU FF Ostrava 2007, s. 37 – 42.

Gromová, E., Müglová, D.: *Kultúra-Interkulturalita-Translácia*. Nitra 2005.

www.emcinterpreting.org, www.tacisinfo.ru, <http://utrl.ff.cuni.cz>, <http://iate.europa.eu>, www.rambler.ru, <http://www.carnegie.ru/ru/print/47976-print.htm>, <http://www.mid.ru>, <http://www.krugosvet.ru>, <http://www.rusintercenter.ru>, <http://www.translators-union.ru>

Статья возникла в рамках исследовательского проекта MSM 0021620825 «Язык как человеческая деятельность, ее продукт и фактор».

**ДОКЛАДЫ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ**

